

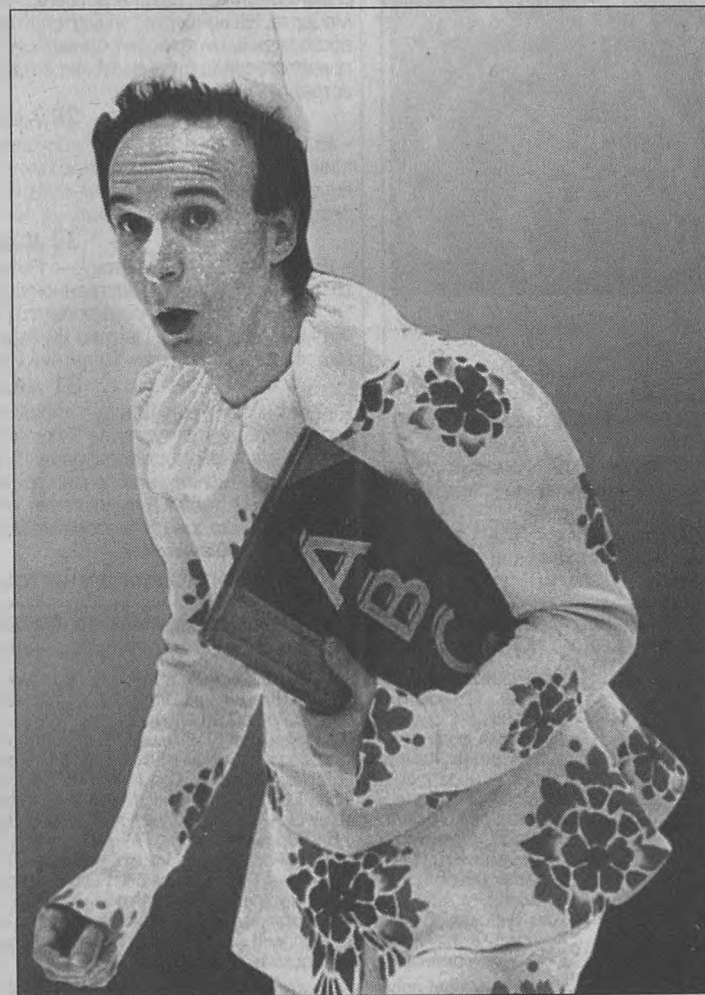
У них все не так, как у взрослых людей

Накануне Нового года киноманы получили классный подарок от Роберто Бенини: на экране мировая премьера "Пиноккио" — экранизация легендарной сказки Карло Коллоди, номинированная на "Оскар". "Я совершенно не сомневаюсь, что получу его, — безапелляционно заявляет режиссер, — да и как не получить такой подарок. Жизнь знает, что я обожаю наслаждаться, так с чего ей не убажать мне. Я ведь сумел облагодетельствовать человечество хорошим кино!" (Напомним, что предыдущий "Оскар" режиссер получил в прошлом веке — в 1999 году — за фильм про Холокост "Жизнь прекрасна").

"Пиноккио" уже за первый уикенд собрал в итальянском прокате немислимую сумму — 9,1 миллиона долларов. "Я хочу, чтобы люди уходили после этого фильма с таким чувством, как будто их только что обняли, я хочу, чтобы они целовали друг друга, я очень хочу, чтобы они ощутили себя частью этой итальянской притчи".

"Вуди Аллен местного разлива", как принято называть его на родине, имеет в мире репутацию клоуна и "непослушной куклы", так что ему сыграть в своем фильме главного героя оказалось, наверно, нетрудно. А его жена, актриса Nicoletta Braschi, играет Голубую фею.

Снимался же гипотетический оскароносец в Америке, в Голливуде, который поразил воображение художника. Бенини назвал Америку "мукой и наслаждением" и совсем недавно, в канун Рождества, сочинил статью под таким заголовком, фрагмент которой мы предлагаем нашему читателю.

Р. Бенини

Каждому, кто приезжает в Америку, кажется, что он здесь был, и не раз, — все увиденно-пережито благодаря кино и телевидению, газетам и радио, рассказам близких. В Америке я еще и работал — снимал фильм про Пиноккио. Побывал также на кинофестивале в Нью-Йорке, съездил в Голливуд — прошелся по легендарному Бульвару, еще посетил Сан-Франциско, Сан-Диего, встретил кучу выдающихся актеров и никого с первого раза не узнал.

В одной шикарной гостинице меня разместили в номере, где когда-то умер знаменитый актер Джон Белуши. "Это очень большая потеря для Америки!" — сказали мне и спросили, — не хочу ли и я тоже здесь переночевать. Заснуть я не мог, все тарашился на развешанные по стенам многочисленные рога — простые и разветвленные. А потом взялся за телефон. Пытался дозвониться до кого-нибудь из друзей, но все время попадал не туда. Занятно — каждый раз мне отвечал какой-нибудь продюсер, режиссер или актер. Вот тогда я и почувствовал, что попал в Голливуд: и по съемочным площадкам нечего ходить, все равно через туристов туда не пробьешься.

А утром познакомился с моими коллегами — Джимом Джармушем и Джоном Лурье. Позже появился еще некто, пожимая руку, сказал, что он Риккардо Жири. Показался мне необыкновенно похожим на одного знакомого афериста из Бергамо, и я подумал, что парень наверняка торгует дорогой фланелью. Потом оказалось, что это

был киноактер Ричард Гир, просто он произнес свое имя на итальянский манер. Какая досада, знал бы с самого начала, сказал бы ему пару слов, уж я бы нашелся... Увидел еще кучу американских актеров. Например, в Линкольн-центре зашел в лифт, следом вошла большеротая чернокожая женщина, не красавица; мы проехали несколько этажей вместе. Позже узнал, что это была Грейс Джонс.

Что до наслаждений, то первое впечатление было такое: Америка — место, где можно делать все. Но именно от этого сознания — делай, что хочешь, — вдруг чувствуешь себя обманутым. Думаешь, чему отдать предпочтение — телесным ли наслаждениям, духовным ли, — и нападает оторопь. Потому что понимаешь: здесь все равно, как в гипермаркете — вокруг наполненные вещами витрины, хватаешь что ни попадя, а на выходе тебя цапают: оказывается, они все видели и уже все посчитали.

Американцы очень любят все большое, в частности, отличаются маниакальным пристрастием к большим автомобилям. Здесь вообще главное правило — наслаждайся жизнью: они учатся этому с детства. У них свой собственный, ими изобретенный американский покер с особыми правилами, они же изобрели и так называемый русский покер — ну просто дети! Даже на съемочных площадках у них все не так, как у взрослых людей. Приезжаешь на место работы, и первое, на что натываешься, — бар. Открыт в любое время, поздним вечером и на рассвете, при

любых погодных условиях — и при 40° ниже нуля. Есть все: кофе (конечно, американский), ветчина, молоко, мед, всевозможные ягоды, сверкающие столовые приборы, свечи в подсвечниках... И милостивая буфетчица: "Мистер Бенини, плиз, что желаете? Милк?" Не буфетчица — наслаждение!

Должен сказать сразу, в американской провинции я не был, увы, не видел знаменитые американские пейзажи — горы и равнины, которые нам так хорошо знакомы по вестернам. Не собираюсь быть оригинальным, скажу, как многие: Нью-Йорк — город уникальный, ни на что не похожий. Нравится мне еще и потому, что напоминает большую-большую деревню, а уж деревню-то я люблю больше всего.

В Нью-Йорке мне в самом деле было хорошо. По вечерам, выходя на улицу, встречал кучу друзей. Самое большое удовольствие получал, катаясь в лифтах шикарных гостиниц — вверх-вниз, вверх-вниз. А ночами в полном одиночестве бродил по улицам...

В Нью-Йорке очень много итальянцев. Однажды встретил одного миланца, он одолжил мне 50 долларов, но своего адреса не сообщил, так до сих пор я эти деньги не вернул. У американцев свое представление об итальянцах. Им все равно, откуда ты — из Неаполя, Милана, Флоренции, Палермо. Им известно одно географическое понятие — Италия, и все тут. К счастью для меня, некоторые все-таки почти случайно знали, кто такой Пиноккио, и смогли отчасти скомпенсировать наши имена.

Наслаждения в сексуальном смысле в Америке не получил. Да и что было от меня ждать — ведь я впервые занимался любовью уже после того, как мне стукнуло двадцать пять! Ко мне несколько раз подходила одна, все пыталась заговорить на своем американском наречии. Не помню, как звали. Вроде бы снималась с Риккардо Жири в фильме "Американский жиголо". Очень красивая, и всем своим видом показывала, что ей нравится общаться со мной. Но ничего между нами не произошло, так, пара призрачных соприкосновений. И это было мое самое большое приключение в Америке.

Что касается еды, тут платоником было меньше. У американцев просто мания на сладости. А также на некоторые изобретения нашей, итальянской, кухни. В один прекрасный день Том Вэйтс пригласил меня прокатиться в Новый Орлеан. Ему захотелось поесть тамешней пиццы, а меня он взял как дегустатора, знатока итальянской еды. Мы исколесили весь город вдоль и поперек, побывали во всех нью-орлеанских пиццериях. Это была настоящая мутная одиссея, и от нее остались самые тягостные воспоминания — мне пришлось проглотить невероятное количество невообразимой, опасной, по-моему, для жизни гадости. Надо прямо сказать: еда в Америке плохая. В тот день в Новом Орлеане я страдал, как обывшая жаба. Всю последующую ночь мучился животом. Кто знает, откуда они берут эти отвратительные, пропитанные маслом огром-

ные пиццы, похожие на потных женщин! Мало этого, Том начал разговаривать со мной по-испански — по его мнению, итальянцы, испанцы — все "латиносы", а потому должны понимать друг друга. Если не ошибаюсь, он жаловался на проблемы с женщинами, рассказывал о своих любовных неудачах. Повторял: "Вумен, вумен... мучо опасно!"

Да, муки, которые я испытал в Америке, были тяжелее наслаждений. И я очень скучал. Скажу честно, если бы мне предложили: оставайся здесь, поселись навсегда — ответил бы этому человеку: сам оставайся, козел! Раньше думал, что никогда, ни в коем случае не буду страдать от так называемой "итальянской ностальгии", но уже через пять-шесть дней пребывания по ту сторону Атлантики вдруг ощутил острое желание побродить по закоулкам Флоренции, по которым вообще-то сроду не гулял. А тут совершенно ошутимо представил, как я там прохаживаюсь. На другой день захотелось пройтись пешком от дорогого сердцу Вергайо до местечка Iarcano, выпить чашечку кофе и вернуться. Если бы, живя в Нью-Йорке, можно было время от времени отрывать от дел и совершать такие прогулки, кто знает, не исключено, что я бы и согласился там остаться. Пусть бы даже прослыл козлом! А без этого — нет.

По материалам
итальянской прессы
подготовила
Марина АРКАДЬЕВА